

Кто знает, что ждёт нас или наших детей, когда к власти придут те, для кого чужие боль и страдания только пустой звук...

РЫЦАРЬ ДОРОГ

* * *

Это всё-таки случилось. Те, кто стоял у рулей и кнопок, сумели развязать самую страшную войну — войну, уничтожившую города и континенты, народы и расы.

Те, кто смог чудом выжить в этом ядерном аду, приспособивались — каждый по-своему. Более сильные и агрессивные сбивались в банды, признававшие только силу и оружие. Дикие — так их называли все, кто пытался создать хоть какое-то подобие оседлой жизни.

Те, кто не мог или не хотел ожесточаться, собирались в большие группы и пытались работать, стараясь прокормить себя и своих близких. Но и те и другие больше всего ценили людей, способных оживить довоенные машины и механизмы, умевших найти общий язык с железом — памятью и останками некогда могучей цивилизации. Любой, сохранивший хоть какую-то крупицу знаний, был почти божеством, ибо и те и другие умели ценить силу и скорость машин — техники, помогавшей пахать и убирать, нападать и защищаться.

Такие люди жили обособленно, и любой мог прийти к ним за помощью. Их земля, место, где они жили, считалось неприкосновенным, и горе тем, кто нарушит этот запрет: такие уничтожались, как муты, которые во множестве появлялись из зон.

Зонами назывались радиоактивные очаги — места, по которым были нанесены первые удары, прицельные и самые сильные. Находились смельчаки, ходившие в зоны группами, — копатели. Те, кто готов был рискнуть и постараться добыть что-то ценное, оставшееся после этого кошмара.

Так, постепенно, выжившие после этого ядерного ада стали делиться на несколько кланов.

«Железные волки». Самые сильные и жестокие. В основном молодые, они объединялись в банды, доставали оружие и отвоёвывали себе территорию, с которой собирали дань.

Репеды. Те, кто хотел просто жить, не ища неприятностей и избегая ссор с волками, промышляя искательством и крестьянством.

Вольные охотники. Самые отчаянные сорвиголовы. Одиночки, ищущие приключений, но слишком умные и гордые, чтобы примкнуть к волкам. С этими рисковали связываться не всякие: слишком хорошо они умели убивать.

Кочевники. Люди, сумевшие найти общий язык с животными и кочующие вслед за стадами в поисках новых пастбищ.

И, наконец, механики. Те, кто знал, как оживить древний механизм, найти воду и изготовить ту или иную запчасть. Механиками называли всех, кто обладал довоенными знаниями.

Были и другие кланы и сословия, но они были малочисленны и не имели никакой силы.

Волки враждовали между собой, и их встречи частенько заканчивались кровопролитием. Главной бедой было отсутствие топлива. Железные кони волков — мотоциклы — были очень прожорливы. Поэтому банды постоянно искали бензин. Пригоршня этой пахучей жидкости стоила дороже человеческой жизни.

* * *

Через сто тридцать лет после катастрофы, когда самое страшное осталось позади, недалеко от зоны поселился он. Механик, умеющий не только чинить, но и собирать новые машины, если можно так назвать эти странные механизмы, стоящие на четырёх колёсах и рычащие на весь белый свет. При внешней неуклюжести и несуразности, эти сборища шестерёнок и валов могли тягаться в скорости с любым мотоциклом, а благодаря особому распределению нагрузки крутились сразу все колёса.

Попробовав их на ходу, волки моментально расхватили эти машины, уплатив требуемое даже не торгуясь. Полученное за

три таких монстра ставило механика в один ряд с самыми богатыми людьми пустыни. Теперь у него было всё: топливо для машин, генератор для электричества, еда, оружие, боеприпасы и рабы — самая обездоленная часть этого общества. Те, кого насильно оторвали от родных, поймали в пустыне без оружия, и те, кто родился уже после катастрофы и был вынужден работать на более сильных.

Волки ушли, удивляясь про себя странности этого механика. Зачем кормить столько лишних ртов? Но механик назвал цену, и они ему заплатили, а остальное — его дело. Механики все со странностями.

С тех пор в этом поселении начали твориться странные вещи. Днём оно словно вымирало, невозможно было никого найти из рабов или прислуги, а вечером все палатки в радиусе двухсот метров оказывались забиты людьми. Рабов кормили, и через два часа лагерь замирал, чтобы с первыми лучами солнца снова ожить. Были и другие странности. В поселении не было женщин, а гостей механик принимал в гостевом доме — наспех сколоченной несуразной лачуге, дальше которой никому не было хода.

Прошло не более полугода, и рабы из поселения странным образом исчезли, а гостей стали допускать к самой мастерской. Здесь же проходили торги и расчёты с клиентами. Среди товаров механика появилось и топливо. Отличного качества, не радиоактивное, с высоким октановым числом, оно заставляло работать все машины в несколько раз лучше.

Очень скоро слава об этом бензине разнеслась по пустыне. К зоне потянулись покупатели, хотя цена и усилия были очень высоки. Но покупателей это не смущало. Они добирались сюда, зная, что на этом топливе можно работать и воевать.

Вскоре банда, купившая внедорожники, была уничтожена, и у сектора появился новый хозяин.

* * *

В то утро механик был разбужен рёвом нескольких десятков моторов. Вскочив с узкого деревянного топчана, служившего ему постелью, он выглянул в окно.

Двор и мастерская были окружены цепью мотоциклистов. Во дворе стояли три его машины. Быстро вытащив из-под кровати пулемёт, механик передёрнул затвор и, поправив ленту, толкнул дверь.

Очевидно, волки ожидали такой реакции. Шум моторов стих, и наступила оглушающая тишина.

— Не надо так беспокоиться, — раздался густой, грубый голос, и дверь одной из машин открылась.

На выжженный солнцем и ядерным излучением песок вышел человек, от одного вида которого бросало в дрожь. Огромного роста, с невероятными мускулами, жёстким, словно вырубленным из камня лицом, практически лишённым всякой мимики, и жуткими, абсолютно бесцветными глазами. Радужка глаз не имела окраски, только зрачок выделялся на ней страшным пятном. Смуглая кожа и жёсткие вьющиеся волосы говорили о смеси разных кровей, но отнести его к какой-то определённой довоенной расе не смог бы никто. Очевидно, когда-то его лицо было сильно обожжено, и черты лица оказались смазанными. Кто и каким образом смог восстановить его, оставалось только гадать.

Не спеша подойдя к механику, он посмотрел на него сверху вниз и усмехнулся:

— Серьёзная пушка. Если уметь с ней обращаться, можно наделать бед.

— Именно поэтому она у меня всегда под рукой, — настороженно ответил механик.

— Мы пришли не для драки, этого и в пустыне хватает. Я пришёл сюда по другому поводу.

— Зачем? — чуть опустил ствол хозяин.

— Во-первых, я хочу представиться. С этого дня сектор мой. А во-вторых, я хочу знать, кто сделал эти машины.

— Я.

— Значит, мне сказали правду.

— О чём?

— Что ты не просто механик. Многие считают тебя полубогом.

— Бред. Я механик. Механик, которому повезло, и он смог научиться тому, что было почти утеряно. Но это ненадолго.

— Почему? Ты болен?

— Нет. Но мне недолго осталось. Я уже старик. Скоро придёт день, когда я не смогу поднять своего приятеля, и тогда появится кто-то молодой, жадный и глупый, кто ради сиюминутной выгоды просто убьёт меня и, ограбив, отправится в пустыню. И тогда знание — то, что никто не может отнять, — умрёт вместе со мной.

— Никто не тронет тебя, пока я хозяин сектора. Мы стоим в двух часах езды. Там наш лагерь. Пусти дым, и мы приедем.

— Не успеете.

— Тогда поедем с нами. Выбери себе любую девку из рабов, и пусть она родит тебе сына. Передай знание ему.

— На это у меня уже нет времени. Я могу не дожждаться.

— Чего ты хочешь? Ведь ты не просто так говоришь об этом.

— А ты действительно вожак. Пойдём, поговорим, — усмехнулся старик.

Банда тихо ахнула. Случилось небывалое: механик пригласил кого-то в свой дом. Не в мастерскую, а в дом. Святая святых, где не бывал ни один человек.

Их разговор остался тайной, но с тех пор из каждой новой партии захваченных рабов всех мальчишек старше десяти лет приводили к механику. Поговорив с ними несколько минут, старик досадливо морщился и отправлял их обратно.

Он искал себе преемника.

* * *

Так прошёл ещё год, когда одно событие всколыхнуло всю округу. Объезжая границы сектора, волки нашли странную пару — старика и мальчишку. Они попытались задержать их, но старик умудрился уложить пятерых раньше, чем они взялись за оружие. С ним справились, только когда подошла вся банда.

Вожак долго смотрел на старика и, усмехнувшись, пророкотал, повернувшись к своим:

— Вы не волки, а шакалы. Не будь он так измождён, голоден и обезвожен, ни один из вас не пережил бы сегодняшнего дня.

Бандиты удивлённо переглянулись, а вожак продолжал:

— Это мастер. Сколько раз я вам повторял: не бросаться в драку, а говорить. Нам нужны не трупы, а покупатели. Только они принесут то, от чего мы получим свою долю. Отвезите их к механику. Он умнее вас, вместе взятых. Пусть решит, как быть.

Такое решение вопроса было диким, но спорить с вожакон не решился никто. Он недаром стал знаменитостью пустыни. Сила, скорость и хладнокровие делали его идеальным убийцей, а быстрота, с которой он убивал, отбивала охоту спорить даже у самых отчаянных головорезов.

Старика с мальчишкой бросили в машину и повезли вглубь сектора. Спустя три часа их выволокли на песок и пинками погнали к странному сооружению, из которого доносились рёв мотора и ругань.

Такое бурное проявление эмоций было вызвано не их появлением, а очередной неудачной попыткой усилить мощность собранного двигателя. Старик что-то не рассчитал, и его детище пошло вразнос, заодно разнеся и станок, на котором стояло.

Кое-как утихомирив разбушевавшуюся технику, механик соизволил обратить внимание на пришельцев. Увидев плачевное состояние пленников, он велел отвести их в свой дом и, вымыв руки, отправился следом.

Старик оказался более крепким и, сделав пару глотков воды, принялся хлопотать вокруг своего юного приятеля. Усадив его на табурет, он придерживал голову мальчика и осторожно вливал в разбитые губы воду из старой выщербленной кружки.

Выслушав рассказ волков, механик покрыл их многоэтажной руганью и выгнал за дверь. Устало опустившись на кровать, он внимательно посмотрел на старика и спросил:

— Откуда вы?

— Пришли с западного побережья. Я последний из ордена духа. Это мой ученик. Он сирота. Я подобрал его в пустыне, умирающего от голода. В нём есть кровь мутов. Похоже, за это его бросили умирать в пустыне.

— Откуда ты знаешь, что он мут?

— Посмотри сам, — ответил старик, отбрасывая длинные спутанные космы от виска мальчика.

Механику достаточно было одного взгляда на это позвериному заострённое ухо, чтобы понять, что старик прав.

— Надеюсь, ты понимаешь, что это не заразно и не приносит неудачу? — спросил старик.

— Я механик, а не репоед, — угрюмо пробурчал тот в ответ.

— Не обижайся. Я специально рассказал всё, чтобы проверить твою реакцию. Мы давно бродим по пустыне, и мне частенько приходилось уходить от воды и крова из-за людской злобы и скудоумия.

— Знаю. Ты видел вожака местных волков?

— Да.

— И что скажешь?

— Они соплеменники. Странно, что сами волки этого не знают.

— Тупые уроды. Ничего, кроме злобности и глупости.

— Это я заметил.

— Они сказали, что ты справился с патрулём голыми руками. Это так?

— Не совсем. У меня были посох и мой ученик.

— Ты отвечаешь честно. Это хорошо. Мне нравятся честные люди.

— Мой орден завещает говорить правду. Можно обмануть того, кто имеет плохие намерения, во всех остальных случаях лучше говорить правду.

— Мудро. И как давно ты в дороге?

— Если ты имеешь в виду мой собственный путь, то почти двадцать лет, а мальчика я подобрал десять лет назад. Тогда ему было года четыре.

Старый механик задумался. Он смотрел на притихшего мальчика и думал о чём-то своём. Затем, вздохнув, продолжил расспросы.

— Ты учишь его?

— Да, конечно.

— И что он умеет?